

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Постмодернизм и постмодернистская антропология

Глава 3. Концепты изменяющегося времени

Цель лекции – показать особенности зарождения постмодернизма в антропологии.

В этой лекции мы рассмотрим направления, формировавшиеся в русле постмодернистской антропологии.

Постмодернистская антропология берет свое начало с трудов, написанных в духе ориентализма. Их критика исходит из точки зрения, что все прежде существовавшие принципы и постулаты предмета антропологии формировались на оппозиции понятий чужой и свой. Вместе с тем, постмодернизм представляет собой закономерное продолжение развития релятивизма и интерпретивизма. Их сходство настолько очевидно, что отличия можно лишь выявить хронологически, на основе используемой терминологии, и стиля описания. Постмодернисты отрицают некоторые теории и считают этнографические описания неполными. Они также считают, что антропологи не должны проводить этнологические исследования. Несмотря на то, что антропология получает большую пользу от рефлексивного анализа и использует рефлексивность, она требует определения что такое рефлексивность, и что к ней относится. Это особый вид рефлексивности или простая форма, которая рассматривает этнографа как социального актора или сборщика данных.

Современный голландский антрополог Ван дер Гист – в своей провокационной статье высказался, что релятивизм – это догма. В антропологии релятивизм как направление исходит из двух позиций: чужой культуры, которую они изучают и, собственной культуры. Автор подчеркивает, что за последнее десятилетие антропология повернулась к мягким релятивистским концепциям. Он признает, что каждая культура имеет свою систему ценностей или семантическую структуру. Он все больше склоняется к взглядам, близким Бенедикту и Уорфу. Только теперь они выражены в терминах постмодернизма. Они отрицают любую теорию культуры в целом.

Наличие таких разных взглядов на релятивизм указывает на то, что он не является однородным концептом. Этот термин состоит из набора теоретических концептов, которые берут свое начало из антропологии Боаса. Боасианизм в любом проявлении по-прежнему является одним из главных предметов американской антропологии. Однако и те, кто выступает против релятивизма и те, кто его поддерживает, в последнее время говорят о новейших подходах в мышлении и взаимосвязи между антропологией и объектом ее исследования.

В этом случае антропология будет соответствовать определению, приведенному в первом издании Британской энциклопедии. Оно звучит следующим образом: «Антропология – это дискурс о человеческой природе».

Постмодернизм в антропологии появился сразу же после его возникновения в искусстве и архитектуре. В этих областях с 50-х годов постмодернизм рассматривался как подход, отвергающий общепринятые стилистические нормы и принципы. Постмодернизм был мировоззрением, согласно которому признается смешение стилей, которые раньше официально отвергались. Во всех социальных науках, в том числе в антропологии, этот термин используется в соответствии с определением профессора философии Парижского университета

Жан-Франсуа Лиотара. В своем докладе правительству Квебека о «постмодернистской ситуации» он пишет: «Если объяснять как можно проще, то я бы сказал, что постмодернизм – это недоверие к метанарративу».

В результате этого определения постмодернизм стал известен как мировоззрение, отрицающее важные теоретические истины и признание целостности этнографических данных. Другими словами, постмодернистский антрополог не может сделать истинное, полноценное описание культуры. Даже определение культуры не может быть дано. Вот почему большая теория не имеет будущего, исключая, по-видимому, метанарратив самого постмодернизма.

Рассмотрим ряд примеров: «Writing culture» – «Написание культуры».

В постмодернистской антропологии наиболее значимым и известным произведением является сборник Клиффорда и Маркуса под названием «Написание культуры».

Этот сборник появился в 1984-м году, после конференции в Санта-Фе в Нью-Мексико. Книга представляет собой сборник статей 8-и антропологов, включая известного историка Джеймса Клиффорда и литературного критика Мэри Луизу Прэтт.

В последующем все эти научные эссе и статьи были опубликованы в юбилейном сборнике за исключением статьи Роберта Торнтонна. В книге, описывающей культуру, общей темой была

проблема изучения литературных методов в рамках антропологического дискурса. Но при этом, позиции авторов отличались от общепринятых взглядов до радикальных точек зрения. Бесспорно, каждая статья в сборнике заслуживала отдельного анализа и изучения. Вкратце обозначим основные темы каждого автора.

Джеймс Клиффорд во введении к сборнику высказывает критику и сомнение в том, что этнография способна описывать целые культуры. По его мнению, любые этнографические данные, даже полученные самым известным ученым, не могут быть совершенными. Он считает правильным рассматривать этнографию как одну из форм написания культуры. Он резко критиковал и существующие крайние взгляды, согласно которым, антропология – это просто описание, а этнография – это разновидность поэзии. Его значительный вклад в антропологию связан с «этнографической аллегорией». «Этнографическая аллегория» Клиффорда ближе к литературному направлению. Она сосредоточена на «нарративном характере культурных представлений».

Один из авторов – Мэри Луиза Прэтт анализирует различные виды этнографии. Она предлагает «объединять» объективные и субъективные понятия. По ее мнению, этнографы в процессе исследования должны учитывать исторические условия и специфику литературных жанров. Следующий автор – Винсент Крапанзано – рассматривает проблему перевода, дифференцируя три совершенно разные категории текста. Первая категория – это тексты, написанные в XVIII веке. Вторая – тексты XIX века. И третья – тексты Гирца, а именно история боев балинизийских петухов.

Мишель Фуко говорит о динамизме этничности, которая, по его словам, изобретается в каждом поколении. Павел Рабинов использует текстовую конструкцию в интерпретации Гирца, «культурную метаантропологию» Клиффорда и многое другое. И таким образом, он представляет эти тексты как социальные факты. Стефен Тайлер первоначально был представителем когнитивной антропологии, но позже стал одним из самых критически настроенных представителей постмодернизма. Он сокрушается о смерти системы научного мышления и доминирования фрагментарной природы возможной постмодернистской этнографии. Он считал что, цель «дискурса» – это диалог этнографических «текстов», а не монолог. Он жалеет, что до сих пор не существует постмодернистской этнографии, но с другой стороны, он признает, что «вся этнография написана в духе постмодернизма и под его влиянием».

Со времени выхода сборника «Написание культуры», антропологи продолжают обсуждение. Ярким примером являются Маркус и Фишер. Среди их работ можно выделить сочинение, обосновывающее экспериментальную и критическую природу антропологии. Другими примерами являются работа Клиффорда об этнографии, литературе и искусстве 20-го века; уникальная работа Майкла Тоссиг об имитации и понимании структуры противоречия в оппозиции свой/чужой; а также некоторые сборники Рабинова.

Мэрилин Стратнер – одна из ярких представительниц сегодняшней антропологической школы Великобритании. Ее работы посвящены выявлению объективных отношений. По ее мнению, важное значение для антропологов имеет выявление истинных взаимосвязей между вещами, поскольку в руках антрополога слишком много информации, он может использовать ее по-разному. Американский социолог Норман Дензин описывает постмодернистскую антропологию как «моральный дискурс». По его словам, этнографы, описывая людей, должны избегать объективных способов и обращать больше внимания на экспериментальные и практические стороны, включая автобиографию и использование средств массовой информации. Также нужно стараться дать побольше эмоций и следовать не научной действительности, а поэтическому описанию реальности. В то же время антропологи должны полагаться на свой жизненный опыт, повседневную деятельность и разные точки зрения.

Постмодернисты, описывая культуру и изучая ее теорию, используют произвольный стиль и свободную манеру. Когда постмодернисты пишут о постмодернизме, они часто рефлексуют. Крапанзано говорит: «Существует не только произвольность знака, парадигматически провозглашенная в любом акте обозначения. Его синтагматика, его синтаксис и место тоже устанавливаются произвольно. Иначе говоря, некоторые постструктуралисты, в частности, Бурдьё, выступают против Соссюровского понимания». Здесь Крапанзано, как

истинный постмодернист, расширяет Соссюровское понимание произвольности знака. Он рассматривает знак в отношении к другим знакам. Преимущество постмодернистских взглядов в их предпочтении свободного стиля написания. По этой же причине необходимо пересмотреть признаваемую всеми лингвистами и антропологами Соссюровскую проблему отличия наблюдателя и наблюдаемого.

Для рефлексивистов и поздних интерпретивистов слияние номотетики и идеографики обуславливают появление различных смещений.

В границах антропологического текста этнография и теория, наблюдатель и наблюдаемый, то есть свой и чужой теряют свои различия. Написание этнографических работ европейцами о европейцах, американцами об американцах стали обычными. Выпускник Гарварда Майкл Херзфелд, пишущий о греках, говорит о наличии мягкой постмодернистской традиции в антропологии. В своей книге «Антропология под биноклем» он анализирует разницу между формальной и позитивистской антропологической теорией, и экзальтацией (возвеличивание) ранней мудрости. Также он рассуждает о противоречиях греческой культуры и, самое главное, раскрывает понятия свой/чужой и наблюдатель/наблюдаемый. Эта книга нацелена на поиск силы, способной искоренить противоречия. Следует отметить, что сочинение Херзфелда в какой-то мере было основано на третьем издании книги Новая наука Джамбатиста Вико.

Вико – итальянский философ XVIII века. При жизни научная значимость его книги не была должным образом оценена, и считалась ни столь популярной. Хотя в ней он пытался раскрыть взаимосвязь истории и социальной эволюции, а также нации и религии.

Последние опубликованные работы, посвященные изучению тропов, метафор, метонимии, синекдохи и теории иронии, также являют собой часть теории постмодернизма. Джеймс Фернандес – преподаватель Чикагского университета – является одним из проповедников этих идей. Алан Барнард пишет, что прочитал его этнографическое исследование о Фангах Габона, в которой автор ищет глубокую эмическую связь. И что в своих исследованиях он опирался на труды Малиновского, Боаса и Гирца.

Большое значение имеет изучение работ известного переводчика Дэвида Шнайдера. Он исследовал различия между американской системой родства и системой родства народа Япе, живущего на острове Яп в Микронезии. Фернандес, основываясь на идеях лингвистов Лакоффа и Джонсона, в своей работе о тропах рассматривает культуру как устойчивую и сложную игру тропов. Джордж Лаккофф и Марк Джонсон считают, что для того, чтобы люди приняли нечто для них незнакомое, необходимо объяснить это в рамках привычных понятий и, таким образом, создать новое понимание. А вот Наоми Куинн утверждает наоборот. Метафоры основываются на культурно согласованных понятиях. И не усложняя самого понятия, они делают их более ясными. Таким образом, и для нее, и для ее предшественников культура была центральным и основным объектом исследования.

Проблемы постмодернизма

Британский философ-антрополог Эрнест Геллнер в своей знаменитой полемике резко критикует релятивизм и постмодернизм за субъективизм. Постмодернизм – это самая развитая форма релятивизма.

В этом Геллнер неуместно критичен, к примеру, в отношении объективности европейской колониальной этнографии. Для постмодернистов этнография является инструментом подавления, используемым колониальным правительством и мультинациональными корпорациями. И для анти-постмодернистов попытка либерализации постмодернистской антропологии была ошибочной. Также неприемлемо и то, что постмодернисты нападают на антропологов. И в этом его субъективность абсолютно нелогична. По словам Геллнера, постмодернизм предполагает, что антропология движется от позитивизма в сторону герменевтики.

Но постмодернистское движение, похоже, повторяет ситуацию двухстолетней давности. Именно тогда просветительская Европа свергла классическую Европу. Геллнер говорит, что в трудах авторов книги «Написание Культуры» нет определенности. Свою работу он резюмирует

так: «В конечном итоге истинный смысл постмодернизма в антропологии заключается в следующем: отрицание любых объективных данных, отрицание любых независимых социальных структур и, вместо этого, использование вопросов интервьюеров и ответов респондентов».

Рабинов и Клиффорд присоединились к критике Геллнера. Но они не утверждали, что Гирц сторонник герменевтики и выступает в защиту релятивизма.

Гирц, воодушевленный целым поколением антропологов и их внутренними спорами, и слабостью, обращается к эпистемологическому сомнению. Он критикует крайнюю неясность и субъективизм постмодернизма. Его аргументы строятся на эпистемологическом сомнении и недоверии. Ученый пишет, что им так трудно познать себя и Другого, что они даже могут не пытаться узнавать Других. Если все в этом мире фрагментировано и многообразно, тогда ничто действительно не похоже на что-либо, и никто не может познать друг друга и себя в том числе, и никто не может разговаривать друг с другом. Таким образом, в условиях непостижимой прозы, нет ничего, кроме страдания.

Подведем итоги относительно интерпретативизма и постмодернизма. Мягкие постмодернисты, включая интерпретивизм Гирца, рассматривают общество как текст. Этот текст этнографы могут прочитать, а тексты этнографов могут прочитать их читатели. Вторая группа ученых постмодернистов, рассматривают культуру как скроенную из обрезков и лоскутов. Для одних, культура – игра слов или тропов. Этнография понимается точно также, но антропологическая теория понимается чуть шире. Представители этой школы утверждают, что в антропологии не существует больших теорий или же объектов, похожих на большую теорию. Только культура на определенном уровне может быть текстом.

Автор книги Алан Барнард задается вопросом относительно интерпретивистского мировоззрения: если их метанарративы реально существуют, тогда что они думают об антропологии? Все ли можно понять путем сравнения? Все относительно, и в Этнографии не существует истин. Антропология должна слиться с литературной критикой, или же с культурными исследованиями.

Тем не менее между интерпретативистами и постмодернистами существует незримая борьба. Одна группа считает этнографию самопознающей, исследующей саму себя сферой. Или же, имеющую возможность, намерение и желание к познанию. Но этнографию невозможно понять в полной мере.

Антропологи пытаются описать условия существования человека через точные источники и этнографические описания поведения. Радикальные рефлексисты придерживаются мнения, что необходимо исследовать как проводятся этнографические изыскания. Но при этом, они не пишут об исследователях и объектах своих исследований.

Среди приверженцев идеографического метода, они самые радикальные. Этнография в их понимании – это описание людей; и этнографические методы – это полевые исследования, и они тесно переплетаются друг с другом. Антропология получает большую пользу от рефлексивных дискуссий. Но тем не менее ей необходимо определение, что такое рефлексивность. Существует ли особый вид рефлексивности или же это просто форма, которая рассматривает этнографа как социального актора или сборщика данных.

Другая группа ученых воспринимает этнографию как науку. Они считают, что это инструмент, который позволяет более широко понимать человеческую природу. Есть еще одна группа антропологов, которые близки к интерпретивистскому стилю, и, которые подверглись положительному влиянию постмодернистской критики. По необходимости они могут свободно принимать эволюционизм, функционализм, структурный марксизм или биологическую антропологию, дисциплины, применяющие номотетические методы исследований. Смешение методов: означает ли это компромисс?

Роберт Лэйтон считает, что предметная область современной антропологии находится между социозкологией и постмодернизмом. В этом есть определенная истина, но в то же время, это слишком смелая мысль. Все больше и больше антропологов демонстрируют насколько они свободны в смешении (миксовании) методов и различных теоретических подходов. Надо отметить, что эта тенденция была начиная с 1950 гг.

На мой взгляд, пишет А. Барнард, начиная с 1950 гг. все теоретические подходы можно разделить на три ветви: структурализм, интерактивизм и интерпретативизм. Разумеется, все эти подходы не были никогда изолированы друг от друга, более того, в руках этнографов и теоретиков они между собой переплетались, взаимосвязывались и повторяли друг друга. И в этой связи возник закономерный вопрос: означает ли это, что будущее антропологии лежит в смешении подходов? Ответ скорее будет утвердительным. Социологи и часть антропологов, считают, что в антропологии можно выделить три периода, связанные с именами трех великих социальных теоретиков – Маркса, Дюркгейма и Вебера. Они подобны трем главным цветам, но при этом существует возможность соединять любые подходы, использовать любые теоретические методы.

Конечно, надо помнить, что все не так то и просто. Итальянский антрополог Карла Паскунелли, предложившая несколько определений слова «культура», отмечает, что слово «культура» связано со словом «современный», поскольку модернисты использовали его для определения «чужих» до возникновения модернизма. Данный концепт возник в лоне эволюционистской теории и в истории антропологической мысли являлся определяющим в трех периодах: материалистический период; абстрактный период; символический период. Анализируя, Паскунелли считает позицию Гирца ограниченной, так как в его понимании культура – это локальное значение, дисперсное и фрагментарное, то есть постмодернистское. Тайлоровская позиция выражена в традициях модернизма. И только Клиффорд все изменяет. Он заменяет объект (культуру) на нарратив (на субъективность этнографа). Возникает вопрос: как антропология может существовать без объекта? Если антропологи не будут изучать культур и общество, насколько реально существование социальной и культурной антропологии? И как отвечает сам А. Барнард, это проблема, которую будут решать будущее поколение ученых антропологов. Все те проблемы, которые были обозначены, свидетельствуют о серьезности сложившейся ситуации. Барнард попытался показать, что культурная антропология представляет собой область, где переплетаются различные взгляды и теоретические воззрения. И на сегодняшний день смешение, соединение ранее известных идей может быть более безопасным.